

НАША СТРАНА

Год издания 78-й. Буэнос Айрес, 6 декабря 2025

“NUESTRO PAIS”

Buenos Aires, 6 de diciembre de 2025

No 3259

ПЛАЧ ПО ПАЛАЧАМ

В воскресенье 26 октября 2025 года, в преддверии дня памяти жертв политических репрессий так называемый Фонд Увековечивания Памяти Жертв Политических Репрессий «Последний адрес» установил на фасаде дома «кооператива Наркомидела», то есть дома 2/6 по Хоромному Тупику, что у Красных Ворот, скорбную табличку Николаю Яковлевичу Райvidу, жертве сталинских репрессий 1937 года, который обозначен на табличке как дипломат, что правда, - однако, не это вся правда.

Сей «умученный от сталинистов» был одним из руководителей подавления Тамбовского крестьянского антибольшевицкого восстания, в советское время называвшегося «Антоновщиной». То есть палачом. По этому вопросу в ленте телеграмм-канала фонда завязалось обсуждение, в котором один из участников предоставил ссылки на размещённые в сети документы о роли Райvida как одного из руководителей подавления восстания. Возражения сторонников фонда сводились к тому, что, мол, сам «герой» конкретных приказов о расстреле не отдавал, поскольку таких приказов никто не видел в архивах, а лишь занимался агитацией и переубеждением... А посему память ему положена в виде таблички.

Документы говорят об обратном. Райвидом и четырьмя членами штаба при ГубЧК по подавлению восстания был подписан приказ №1-483-с от 31 августа 1920 года о взятии и расстреле заложников, который разместил оппонент фонда в ленте для обсуждения: «Оперативный штаб при Губернской Чрезвычайной Комиссии ... приказывает Начальникам войсковых частей... по отношению к селениям, в которых граждане будут замечены в бандитских выступлениях или укрывательстве бандитов, провести беспощадный красный террор... Приказывается в таких селениях брать заложников членов семейства из тех семей, члены которых примкнули в бандитам... заложниками брать граждан от 18 лет, не считаясь с их полом. Объявить населению, что в случае, если бандитские выступления будут продолжаться, заложники будут расстреливаться... Здания, занимаемые ими, сносить, а в случае невозможности сжигать».

Сторонники фонда возразили, что этот приказ существует только в виде печатной листовки, а посему с их точки зрения является не докумен-

том, а простой агиткой. Однако в сборнике документов по восстанию, изданном в Тамбове в 2007 года, имеется текст доклада члена Революционного Военного Трибунала Республики В. Ульриха от 9 февраля 2021 года, в котором он упоминает тот самый приказ и то, что согласно ему были сожжены несколько сел, что способствовало крайнему озлоблению населения против советской власти (РГВА, Российский Государственный Военный Архив ф. 24360, оп.1., д.70., л.14-17).

Профессиональные историки подлинность этого приказа не оспаривают, а ссылаются на него в своих работах.

В другом документе, а именно в протоколе заседания президиума Тамбовского губернского комитета РКП(б) и губернского исполнительного комитета от 30 августа 2020 года «Об операциях по подавлению восстания бандитов» содержится решение «обратить через товарища Райvida внимание на необходимость усиления: 1) террора, 2) агитационной работы». То есть «мученик» был поставлен партией ответственным именно за террор... и вышедший на следующий день приказ явился как раз следствием решения этого заседания.

Вдобавок в протоколе другого заседания президиума Тамбовского губернского комитета и губернского исполнительного комитета от 11 декабря 1920 года с участием Райvida содержится резолюция среди прочего создать концлагерь для повстанцев (ЦДНИТО, Центр Документации Новейшей Истории Томской Области, ф.840, оп.1, д;510, л.162-162 об.).

Оказывается, сей фонд ещё в 2017 году установил скорбную табличку другому партийному функционеру, терроризировавшему крестьян изъятием хлеба, Давиду Гольману, губернскому продовольственному комиссару - именно насилие было доминантой заготовительных кампаний. Выступая на заседании фракции РКП(б) Тамбовского губернского исполнительного комитета 16 июня 1919 года, он говорил следующее: «Если крестьянин не может понять, что мы не можем ему дать, надо употребить против него решительные меры. Если едушие в деревню для реквизиции поймут это, то мы возьмём из губернии, что нам нужно. Даже плохо организованная реквизиция даёт хорошие результаты» (ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 131. Л. 53).

В телеграмме руководству

он сообщал, что в Борисоглебском уезде, отряды численностью в пятьсот пять бойцов две недели были вынуждены заниматься ловлей дезертиров, и только на днях приступают к реквизиции.

Далее он просил центр срочно прислать восемьсот продармейцев (РГАЭ, Российский Государственный Архив Экономики. Ф. 1943. Оп. 4. Д. 201. Л. 96). На страничке интернет-ресурсе фонда читаем: «Во время Гражданской войны он служил в Красной Армии губернским продовольственным комиссаром в одной из губерний центральной России» - рыдальцы явно поскромничали с жизнеописанием «умученного от сталинистов» и скрыли, где именно и чем он отличился...

Из палачей Тамбовского восстания «Последним адресом» был увековечен табличкой бывший поручик Иероним Уборевич, поделщик палача Тухачевского («Наша Страна», № 3134).

Удостоился скорбной таблички и другой палач, красный казак Евгений Полюдов, участник «жесточкого подавления», как написано в интернет-ресурсе фонда, Западно-Сибирского антибольшевицкого восстания. Начальник штаба подавления Ярославского антибольшевицкого восстания, в ходе которого значительная часть города была разбита артиллерией, а повстанцы потом расстреляны, латышский стрелок Константин Нейман также был оплакан установкой таблички.

Табличка была установлена и партийному функционеру Семену Панфилю, участнику подавления восстания в селе Княгинине Тульской губернии. Восставшим против большевицкого произвола, зверств и грабежа таблички, видимо, не положены. Как писал оппонент фонда в обсуждении, «у меня ощущение, что жителей Тамбовской губернии «Последний адрес» просто не считает за людей...».

Оплакивание палачей народных восстаний против большевицкого тоталитарного режима вкуче с манипуляциями по оправданию их кровавых дел - не только гнусная идеологическая диверсия по подсовыванию нам лжемучеников, но и явный акт откровенной русофобии, плевков в историческую память русского народа от советских образованцев, тщетно прячущих свое ленинское мурло под псевдолиберальной личиной.

Сергей Шарапов

КАК МП ИСКОРЕНЯЛА БЕЛЫХ

О роли Московской Патриархии в истреблении белой диаспоры на примере репатриации из Китая.

Известно, как после Второй Мировой войны реализовывался план Сталина по искоренению белой антикоммунистической диаспоры по всему миру, куда только он мог дотянуться. В Западной Европе это было реализовано по договору с правительствами стран-союзников, которые принудительно выдали на муки и смерть сотни тысяч белых эмигрантов.

Не так широко известно, как происходило «добровольное» перемещение белых эмигрантов с Востока на "родину". Поскольку главным элементом русской идентичности была принадлежность к Русской Православной Церкви, главенствующая роль в выполнении этой задачи была отведена ей. План был наделить, на первом этапе, всех русских апатридов советскими паспортами и вывезти в СССР. А второй этап - арест и ГУЛАГ. Там и теряются следы подавляющего большинства вернувшихся по этому плану эмигрантов.

Ключевым моментом первого этапа явился переход в юрисдикцию советского патриарха. Происходило это так. В 1945 Харбин был освобождён от многолетней японской оккупации, туда вошли советские войска. Вслед за военными зашли СМЕРШ и НКВД, и начались поиски врагов-антисоветчиков. Затем приехали эмиссары от патриарха Алексия Симанского с поручением «воссоединить находящихся в расколе» на территории Маньчжурии архиереев.

Митрополит Мелетий, все иерархии Харбинской епархии и почти весь её клир приняли юрисдикцию Московского Патриарха и тотчас же принялись за выполнение первого задания, от которого отказать не могли: перейти самим и принудить всех мирян епархии к переходу в советское гражданство.

Как показало дальнейшее, это была лишь уловка, прелюдия к депортации. Священник брал советский паспорт и агитировал своих прихожан «возвращаться на Родину», где будто бы после победы в "Великой Отечественной войне". то бишь советско-германской, началась новая жизнь, счастливая и свободная, всюду открываются церкви, возродилось православие, никакого преследования верующих, якобы, больше нет. Священники ехали сами и уводили на расправу других. Именно это было нужно Сталину.

Русские священники-беженцы и их прихожане после получения советского паспорта начинали испытывать давление и со стороны китайских властей, которые продлевали неохотно вид на жительство иностранцев, имеющих паспорт и не находящихся более в поло-

жении, когда депортация означал верную смерть – согласно официальной позиции китайских властей.

Тем не менее, не все клирики Русской Зарубежной Церкви подчинились диктату. Наиболее известным неподчинившимся клириком Харбинской епархии был Филарет Вознесенский, будущий первоиерарх Русской Зарубежной Церкви. Он не только сам отказался от советского паспорта, но убеждал отказываться других, в первую очередь свою паству, и обличал в своих проповедях исходящую от Московской Патриархии и от советской власти ложь и пропаганду, что привело к запрету проповедовать и к ссылке в дальний монастырь.

Архимандрит Филарет призывал свою паству эмигрировать не в Советский Союз, а в свободные страны; многие его прихожане эмигрировали в Австралию, где он впоследствии оказался и сам.

Похожие процессы проходили в других местах в Китае. В 1946 г. указом патриарха Алексия Симанского был создан Восточно-Азиатский Экзархат, включивший в себя Харбинскую и Пекинскую епархии, а также Корейскую Миссию. Патриаршим Экзархом был назначен архиепископ Нестор (Анисимов) с возведением его в июне в сан митрополита Харбинского и Маньчжурского. Архиепископ Пекинский и Китайский Виктор (Святин) был утверждён в должности Начальника Российской Духовной Миссии в Китае.

Отказался признать власть нового навязанного Москвой церковного начальства святитель Иоанн Шанхайский, продолжавший подчиняться Зарубежному Синоду. В 1947 году святитель Иоанн возглавил созданную Синодом на территории Пекинской епархии самостоятельную Шанхайскую кафедру.

Попытка Москвы захватить силой имущество Шанхайской кафедры не увенчалась успехом – китайское правительство встало на сторону святителя Иоанна и признало его единственным законным Начальником Миссии. Совместное служение митрополита Виктора и епископа Иоанна стало невозможным, произошел раскол: у митрополита Виктора осталось 10000 паствы, у Иоанна Шанхайского 5000. Первые все состояли в гражданстве СССР, последние оставались эмигрантами. Владыке Иоанну, не желавшему принимать советское гражданство, удалось сохранить свою паству и церковное имущество, которое он вывез из Китая. Имущество же Миссии, переданное советским властям, было разграблено, а храмы разрушены.

5 000 шанхайцев эмигрировали в Америку, Австралию и остались живы, в то время как о судьбе выехавших в СССР известно немного.

Митрополит Нестор был арестован в 1948 г. китайскими властями в Харбине по обвинению в сотрудничестве с японскими оккупантами и, как военный преступник, был депортирован в СССР. На суде в Хабаровске он был обвинен в антисоветской деятельности. Владыка Нестор 8 лет провёл в заключении в мордовском лагере строгого режима (пос. Явас).

Значительно лучше сложилась судьба архиеп. Виктора, который приехал в 1956 году в СССР и дослужился до сана митрополита. Но введённые им в заблуждение миряне по приезду в СССР были по большей части расстреляны, сосланы, пострадали в лагерях

К. Воскресенская

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ПАТРИАРХИИ

Московская Патриархия во всём поддерживает Путина, а священники, выступающие против его политики, подвергаются безжалостным гонениям.

Проповеди патриарха Кирилла Гундяева находятся за гранью ереси. Это означает, что нечто нехристианское внутри церкви в России победило евангельскую веру. Мы видим этот тупик, и теперь важно, чтобы появились силы из него выбраться. Новая религиозно-культурная реальность конструировалась в бывшей России постепенно. Игриво используя церковный лексикон, примеряя его к вещам церкви чуждым, как, например, это делал идеолог «Пятой империи» Александр Проханов, общество Российской Федерации незаметно пришло к тому, что церковные формы остались, а содержание изменилось радикально.

Самый яркий тому пример – Главный Храм Вооружённых Сил. Выглядит он как православная церковь в стиле ар-деко, а на самом деле – это храм бога войны.

МП является лишь «официальной церковью» – оба слова в кавычках и с маленькой буквы.

С другой стороны, есть значимое сообщество довольно одиноких и немногочисленных с точки зрения «официальной церкви» людей, которые остаются *образом веры* – есть такое церковное понятие.

Речь идёт о том, что это не только и даже не столько внешний образ, сколько образ внутренний. Это про подлинную христианскую культуру, образ мыслей и образ действия. Это сообщество пока ещё не определило себя и, может быть, ещё долго не сможет себя назвать, так как вынуждено буквально уйти в новое подполье в современной России. Но видно, как люди глубокой искренней веры собираются вместе и эти небольшие сообщества становятся центрами притяжения для ищущих утешения.

Вокруг конкретных священников в Европе, Америке, Армении, Грузии идёт процесс самоорганизации православного сообщества. И идеально было бы, чтобы они все пришли под омофор главы РПЦЗ Митрополита Агафангела (Пашковского).

Этот процесс идёт в направлении, противоположном тому, что на протяжении десятилетий культивировалось в Московской Патриархии как «правильная церковность», когда обряды выходили на первый план. Такое соблюдение внешнего при полном небрежении к внутреннему привело к катастрофе – и поддерживать чекиста Путина тоже оказалось «хорошо», а многие твердящие о соблюдении постов и посещении храма в день воскресный ныне молчат о соблюдении заповедей «не убий», «не пожелай имущества ближнего твоего». И в то же время не покидает ощущение, что русское православие в своей уничиженной и даже униженной форме остаётся надеждой для христианского мира.

Может ли христианин противиться злу силой? Об этом был большой разговор, в том числе и богословский, на протяжении всего XX века. Иван Ильин, в эссе “О сопротивлении злу силой” отмечал, что современное зло проявляется открыто, уверенно и организованно, поэтому вопрос о его преодолении силой становится актуальным.

Главное поле борьбы – душа

человека, где зарождаются и зло, и добро; внешние действия лишь проявляют внутреннее состояние.

Сопротивление злу должно исходить из любви и духовного долга, а не из ненависти или мести: «Сопротивление злу силой есть дело любви... ибо кто любит добро, тот должен ненавидеть зло и бороться с ним». Ильин различает насилие и заставление: первое разрушает душу, второе пробуждает её к добру. Отказ от внешнего противодействия – потворство злу, а активное сопротивление становится обязанностью человека: «Кто не сопротивляется злу, тот содействует ему». Истинное сопротивление совмещает внутреннюю чистоту и внешнюю силу, превращая борьбу во имя спасения, а не разрушения: «Истинное сопротивление злу – есть сопротивление любовью и силой вместе». Таким образом, сила и любовь должны идти рука об руку, иначе первое превращается в жестокость, а второе – в бессилие.

Борьба со злом – духовное служение и проявление ответственности человека перед собой и обществом.

Кстати, несколько раз в этой книге Ильин возвращается к теме молитвы и становится очевидно, что он умеет молиться, и понимает, что такое молитва. Для него ключевое слово – это творчество, сама молитва есть творческое делание. И его современники в русской белой эмиграции это очень хорошо понимали. Надеемся, что и новая русская эмиграция тоже придёт к этому пониманию.

Большевики после Октябрьской революции устроили на территории бывшей Российской Империи социальный геноцид, в том числе убивали священников, активных православных. Согласно отчёту International Centre for Defence and Security, с 1917 по 1935 год репрессировали 130 000 представителей духовенства, ещё 168 000 – в 1937-1938 годах, многие были расстреляны или погибли в лагерях. МП идёт по крови мучеников Русской Церкви.

Главная проблема – это полное равнодушие «официальной церкви» к насилию. Патриарх Кирилл считает насилие не только допустимым, но и необходимым. Он и сам готов не задумываясь проявить насилие по отношению к тем, кто его не устраивает не только административно, но и идеологически. Если в советское время государство подавляло Церковь, репрессировало духовенство и мирян за веру, то теперь репрессивный аппарат создан внутри «официальной церкви». И мало кого волнует, что основан этот репрессивный аппарат на беззаконии.

Нас сегодняшний день к лику святых в МП поименно причислены более полутора тысяч Новомучеников. Но их почитания в МП так и не сложилось. Они были другими, и на самом деле, «официальной церкви» МП, которой дороже всего близость к путинскому государству, эти Новомученики не нужны. Они – обуза, живой укор.

Путин, конечно, не христианин. При этом образ Путина как якобы человека веры конструируется с завидным усердием. Он регулярно появляется на публике и в медийном пространстве вместе с патриархом (например 4 ноября в “День Народного Единства”), посещает церковные службы, неумело кре-стится. Патриарх Кирилл усер-дно участвует в

создании этого мифа, прямо называя Путина чуть ли ни «чудом Божиим», при первой возможности подчёркивает де важную роль церковно-путинского единства.

Риторика Путина хорошо известна: «традиционные ценности», «особая духовная миссия России», борьба «с коллективным Западом» как силами тьмы. Оправдывая свои политические решения, он использует религиозную мотивацию, но обманываться не стоит. Его религиозность – языческая. Её центр, главное содержание – это земная власть, её сохранение любой ценой.

Когда путинская власть в России потерпит поражение – возникнет возможность переучредить не только государство, но и Московскую Патриархию. Реформировать этого монстра невозможно.

И государство, и МП должны будут провести люстрацию. чтобы Церковь могла вздохнуть свободно.

Не исключено, что и значительная часть епископата, проявившего полную и безоговорочную лояльность путинской власти, подвергнется люстрации. Без этого у Церкви просто не будет шанса на подлинное возрождение.

Д. Карамышев

КЛАССОВАЯ БОРЬБА

Когда в тридцатые годы, время окончательной победы советской власти, масштабных селекционных этно-социальных проектов и активной генерации новой советской общности, был выдвинут знаменитый лозунг, согласно которому классовая борьба обостряется по мере продвижения к социализму, многие левые европейские интеллектуалы недоумевали.

Что за странная идея? Зачем вдруг в Советском Союзе такое не прагматичное направление энергии народных масс на то, что и так в сталинском СССР давно избыто и уничтожено?

Мда...французским левым тридцатых, выросшим в тепличных для плебса условиях второй половины 19 века, было не понять "русских" коммунистов, ещё помнивших царскую каторгу.

"Русские" коммунисты были проникновенными теософами, поэтами, параноиками и... немножечко вурдалаками, походившими на деятелей ренессансной Европы. Им мало было убить врага. Им нужно было насладиться его смертью. А если нечем уже наслаждаться, то воскресить труп и снова его помучить. Снова и снова, смотря на него со всех сторон и добавляя страданий. Вот так.

А. Григорьев

«НАША СТРАНА». Орган русской монархической мысли. Основан 18.9.1948 Иваном Лукьяновичем Солоневичем. Редактор: Николай Леонидович Казанцев.

NUESTRO PAIS. Registro Nacional de Propiedad Intelectual 949917. Мы имеем право сокращать, не извращая смысла, полученные материалы. Телефон редактора: (54-9-11) 5485-2306. Э-адрес: kasanzew@gmail.com Мнения авторов не всегда выражают таковое газеты. При перепечатке ссылка обязательна. Сайт газеты: <https://nashastrana.net>

ЛАКЕЙ И КЛОП ПРИСОСАВШИЙСЯ К СОВКОВОЙ ВЛАСТИ

Знаменитому кинорежиссёру Никите Михалкову 21 октября исполнилось 80 лет. Владимир Путин кощунственно одарил его высшей российской наг-радой – орденом Андрея Св. Первозванного, и лично приехал поздравить юбиляра на банкет.

Михалков – с одной стороны, режиссер любимых многими фильмов и исполнитель ярких киноролей, с другой стороны – человек, последовательно поддерживающий чекистскую власть и пользующийся близостью к ней в своих интересах, а также ведущий пропутинской телепрограммы «Бесогон», которая используется в том числе для публичных доносов.

Многие задают вопрос: как симпатичный юноша из фильма «Я шагаю по Москве» превратился в нынешнего лизолюда и мерзавца? Или он всегда был таким, с малых лет, родившись в семье трижды «гимнюка» Сергея Михалкова – «сталинского дворянина союзного значения», иным быть не мог?

Его суть очень точно подметил кинорежиссёр Георгий Данелия, впервые снявший 18-летнего Никиту. Уже через неделю съёмки вчерашний школьник потребовал увеличения актерской ставки с 8 до 25 рублей в день. Режиссёр объяснил, что такие суммы в кино выплачивают только опытным, хорошо зарекомендовавшим себя артистам. Но Никита не унимался. Или повышайте – или сниматься не буду! Тогда Данелия распорядился вызвать другого актёра, чтобы заменить Никиту, а ему сказал, что он свободен. «Но вам же придётся переснимать все сцены, где я участвовал», – стал объяснять режиссёру Никита. «Это не твои проблемы, – ответил Данелия, – у нас есть эти сцены с актёром, которого пробовали до тебя». Тогда Михалков, стал просить оставить его, свалив всё на старшего брата Андрея Михалкова-Кончаловского, мол это он подучил его, как повисить гонорар. Конечно, 17 рублей в день для такой золотой молодёжи как Михалковы были тогда «большими деньгами», но зачем брата-то сразу подставлять?

Впрочем, страсть к доносительству – это фамильная черта Михалковых. Отец стучал на диссидентов, Андрей не пощадил на старости лет репутации своих звёздных любовниц, а Никита, вообще, сплошное доносительство.

Михалков является клопом, присосавшимся к кремлёвской власти, независимо от того, кто сидел у руля. Успех первых его лент многие приписывали ансамблю из оператора, композитора, художника, сценариста, актёров, которых, тут надо отдать ему должное, он собирал для фильмов. Иопятьже подобно клопу он питался живительной кровью их творческих идей. И с первых лент, в которых, казалось, доминировали мотивы русской классики, проступала тема ЧЕКА, которую фрондирующая советская интеллигенция старалась не замечать. Что в «Своём среди чужих» – комиссары в пыльных шлемах, что в «Рабе любви» подпольный «Штирлиц» в исполнении Нахапетова.

Как острохарактерный актёр второго плана Михалков, конечно, был хорош, особенно когда играл самого себя – типа из подворотни, из которого прямо рвался наружу хамский менталитет. «Жмурки», «Вокзал на двоих» «Полёты во сне и наяву». Удавались ему и

роли мерзавцев из высшего света – Паратов из фильма Рязанова, Пожарский – из акунинского «Статского советника», даже в Генри Баскервиля он внёс черты «вечного хама». И ни одного положительного героя, вот Котов в «Утомлённых солнцем», такой себе кровопийца, которого вот-вот раздавит хозяйский тапок. Поубивал он белых в Гражданскую, попил их кровушки, и вот пришла расплата. Так что положительным героем Котов не является.

Было в Михалкове, при всём его нынешнем выпячиваемом антизападничестве, ничем не скрываемое раболепие перед поносимым им Западом. Это общая черта всего эрефийного социума – для них очень важно, что думают и говорят о них там на Западе, как их похвалил Трамп, как «их» «Анора» выиграла «Оскар».

Во многих фильмах Михалков пытался вставить сцены, которые могли понравиться западному зрителю, его представлениям о широкой русской душе – цыгане, медведи, водка, икра, купола церквей, и конечно, звёзды западного кино – от Ормонд и Харриса до Ольбрыхского и Хастоянни.

При коммунистах он с братом снял «Сибириаду» (1979) как советский ответ Бертолуччи с его «XX веком», вышедшим за три года до их панегирика большим советским стройкам – открытие сибирских месторождений газа и нефти, строительство ГЭС. Потом он окучивал Руцкого, пока тот был вице-президентом. Как только после 1993 Руцкой попал в Лефортово, тут вся их дружба и закончилась.

В 1994 г., поняв, что сталинисты проиграли, снял «Утомлённые солнцем» – фильм, разоблачающий сталинизм. Но всё же с Ельциным у него не задалось. Какое-то время он видел себя его преемником, даже снял себя в роли царя в «Сибирском цирюльнике» (1998). Но, видимо, не прошел кастинг у семьи, утвердившей на роль царя Путина.

Ах, как он стремился понравиться Путину! Он называл его «Ваше Превосходительство», возил к нему западных звёзд от Орнеллы Мути до Жаклин Биссет.

В 1996 году Михалков был председателем жюри 46-го Берлинского кинофестиваля. Вот, что рассказал сценарист Юрий Векслер: “Мой знакомый сопровождал на приём по случаю закрытия фестиваля немецкого политика графа Отто фон Ламбсдорфа. Когда мы с графом вошли в большое фойе, я увидел стоящего в центре этого пространства Михалкова во фраке и при бабочке. Граф, сняв пальто, сразу же направился к Михалкову, и протянув ему свое пальто, которое опешивший Михалков принял, быстро последовал дальше. Я догнал графа в полном недоумении и спросил: «Зачем вы отдали ему пальто?» – **так это же лакей**, – сказал фон Ламбсдорф. «С чего вы это взяли?» Граф невозмутимо ответил: «Да я же по глазам видел!». Михалков – это не просто лакей, а лижущий зад любому хозяину при власти...

Много лет назад Никита Михалков отмечал свой день рождения. Собралось много людей, журналистов и поздравить режиссёра приехал лично Путин. Произнёс речь, выпил с именинником, что-то сказал журналистам. И тут уверенной походкой к Путину направляется уже изрядно

выпивший дирижер Юрий Башмет с бокалом вина. «Давайте, Владимир Владимирович, – говорит, – с Вами выпьем!» Путин оборачивается, и в этот момент Башмет потерял равновесие и смачно выплеснул вино из бокала на белую рубашку президента. Повисло молчание. Путин оглядел рубашку, цокнул языком, посмотрел на Башмета и произнёс: «Виртуоз, бл**ь!»

Но самое смешное даже не это, а Михалков, который бегал и искал рубашку для Путина. Однако тот от рубашки отказался и уехал в испачканной. Естественно, помимо Башмета там ещё народ был. В том числе и хороший актер Михаил Ефремов. Ефремов выпил лишнего и его, от греха подальше, посадили возле где-то в углу, рядом с дверью “чёрного входа”. А сам Михалков и все его подпевалы собрались на парадном крыльце – встречать президента. Однако Путин, как профессиональный разведчик, решил пойти другим путем и прокрался в дом Михалкова через сад. Первый, кого он увидел был Миша Ефремов. – Ого! – сказал Миша Ефремов, тыкая пальцем в президента, – Путин! – Да, Путин, Владимир Владимирович. – скромно сказало “наше всё”, Вероятно, ожидая восторгов и приветствий. – **Покайся!** – возопил Михаил Ефремов громовым голосом. Тут примчалась толпа во главе с Михалковым. Путин был подхвачен под ручки и проведён на почётное место. Однако, пробыл недолго и был мрачен.

Один человек из московских кино-тусовок рассказывал, что в ресторане Дома Кино Михалков стал приставать к его спутнице. А этот кавалерею жёстко послали они поругались. И потом метрдотель, его друг, ему сказал, что Михалков подбегал к нему выяснять, потому что он собирается его уничтожить, но надо понять, какие у него связи. Метрдотель сказал, что не знает профессию, но живёт с ним в одном доме и к нему в гости часто приезжает Брежнев с тортиком. Михалков сразу скис и долго благодарил, что его предостерегли от такого опрометчивого шага.

Короче, Михалков сегодня это не деградация, а как раз вполне логичное догнивание личности.

Открывали памятник Пушкину работы Л. Гадаева во дворе журнала «Наше Наследие». Среди открывающих был Михалков. В самом конце, когда все поздравляли Гадаева, Михалков тоже подошёл к нему, нагнулся к самому уху и прошептал: «Скульптор, а ты знаешь, что у Пушкина были очень большие я...?» Настроение было испорчено.

Л. Голубкина рассказывала, как к ней в кабинет Директора Курсов Сценаристов и Режиссёров, как-то в середине 2000-х зашёл Михалков. Сначала вошла охрана, которая залезла под стол, открывала шкафы, подозрительно смотрела на неё, а уж потом вплыл сам режиссёр.

И представилось. Вот бредёт по Невскому Достоевский, а рядом с ним охранник. А вот с палкой в лаптях идёт в Москву из Ясной Поляны Толстой. А неподалеку идёт его любимый охранник. А вот и Пастернак прогуливается по Переделкино, глядь, а вдоль забора стелется за ним его охранник.

Юбилей Михалкова... Сколько вылило на него слов лести и восхищения и даже “великий” отозвался. Но навсегда врезалось в память, когда он «с ноги» бьёт парня в голову, который бросил

в его сторону башмак. Это уже был не вальяжный с царственными повадками лощеный дворянин, а какой то забулдыга в кабаке. Да, предварительно он приказал охране задержать щуплого парнишку, примерялся и с ноги вырубил его. Вот он весь в этом! А ведь мог просто сделать вид, что не заметил, тем более, что парень промазал.

Перечислить общественные должности Никиты Сергеевича технически невозможно. Но цифру назвать, наверное, стоит. Так вот он в разное время являлся членом 36 (!) всевозможных советов, комиссий и президиумов, председателем или сопредседателем различных попечительских организаций. Наконец, он – президент Российского Фонда Культуры и плюс ко всему – доверенное лицо президента РФ.

Никто из отечественных деятелей культуры прошлого, настоящего, наверное и обозримого будущего не сравнится с этим уникальным общественным многостаночником.

Многие находят, что объяснить и наполненную анекдотами биографию юбиляра и его метаморфозу можно очень просто – неизменным угодничеством к власти, которое проявилось и во время празднование юбилея.

Мы с правительством вдвоем

замечательно живём

Мы такие с ним друзья,

Куды оно, туды и я.

Эти строчки о Михалкове – не в бровь, а в глаз. Михалков умел всегда подсластить путлеру, ну а в свой собственный юбилей особенно: у себя в театре, на сцене, к приезду главной кремляди сделал дополнительный настил, в результате которого, бледная мошь оказался одного роста с юбиляром.

Михалкова называют авторитетным силовым предпринимателем от культуры и даже «идеологом Кремля», но если посмотреть на его карьеру, то он всегда просто делал то, что нравилось власти, какой бы она ни была. Романтика оттепели сменилась разрешённой мелкобуржуазной фрондой 1970-х, в 90-е ельцинист Михалков снял «Утомлённые солнцем», посвященный репрессиям, а затем параллельно с восхождением «Старых песен о главном» стал источником неосоветской ностальгии о великом СССР.

Михалкову-предпринимателю было комфортно при всех режимах, поскольку его талант состоял в том, чтобы угадывать и предсказывать кардиограмму генеральной линии. Его эксклюзивная услуга состоит в том, чтобы работать воображением и поставлять образы для политических режимов, которые ещё не знают, о чём им мечтать. Когда мечты воплощаются в жизнь, война становится реальностью, талант Михалкова заканчивается: ему не о чем больше грезить для начальства.

Главная черта Михалкова – это, разумеется, демонстрация собственной исключительности, значимости. Он играет барина в совковой России, но его реальной ролью является роль придворного, угождающего эстетическим запросам очередной совковой диктатуры, постельничьего-киношного для следующего “вождей” от Хрущёва до Путина. Он лакей, который стоит с накрахмаленными усами, перекинув через руку полотенце, готовый угодить каждому, кто сядет у власти.

Николай Греков

ИЗ АРХИВА РЕДАКЦИИ

ПИСЬМА Н. Л. КАЗАНЦЕВУ ПЕРВОПОХОДНИКА, РЕДАКТОРА ГАЗЕТЫ "ЗА РОДИНУ" А. Г. МАКРИДИ

6 декабря 1978. Вы резонно обиделись на просьбу не вступать в тайное общество, но пожалуйста, всё-таки простите. Если можно так выразиться, просьба вырвалась из души, до конца не осознанной. Мне не хотелось растрчивать драгоценное время нашего свидания в Канберре на то, что можно было объяснить и в письме.

После войны я дважды подвергался такому нажиму, какой никому не пожелаю. Первый - в Германии ещё, где мы с женой жили впроголодь, отдавая наиболее ценную часть пайка, и без того голодного, детям. И вот, в это самое время, когда мы познали страх больший, чем от бомб: страх репатриационной ловушки и слёзы голодных детей, мне было предложено штатное административное место в «Чеховском» Издательстве, с дальнейшим возглавлением вновь открывающегося журнала. Контракт на два года. Бесплатный переезд в США и назад, если я откажусь пролонгировать контракт, жалованье и гонорар, но всё это при условии... и дальше разговор шепотом. Разговор с **частным**, но уполномоченным лицом, платившим за ужин в самом фешенебельном ресторане Гамбурга, где расплачивались только валютой, хоть иметь ее было запрещено. Разговор происходил после хорошего графинчика шнапса.

Признаюсь откровенно, у меня не хватило мужества прямо отказаться и я обещал «подумать» и ответить письмом. Я не думал и ничего не ответил, и меня больше не тревожили. Второй нажим пришлось испытать в Австралии, тоже в самый бесприютный период нашего здесь устройства. Он был более длительным, исходил из мо-нархического круга и потребовал известной изворотливости.

Этот случай меня многому научил и по моим подсчётам восемьдесятых всех наших здешних «общественно-политических деятелей» принадлежали к лолам. Я научился их распознавать. Один из приёмов - спросить в лоб: да или нет? Если нет, скажет нет. Если да, никогда не скажет прямо, а начнёт вилить: «ну, как вам не стыдно!», или «если человек грешен, всё равно же не сознается, чего же спрашивать?» или «ну, знаете, мне на такой вопрос и отвечать не хочется!» и всё в таком роде. По-видимому, не обязательно сознаваться, но запрещено отрицать.

Другой опознавательный признак - при людях никогда не поддерживать разговора против еврейства и мужеложества.

Наиболее законопослушные, а говоря точнее - трусливые, вступают в ожесточённый и глупый спор, не гнушаясь казаться простаками или круглыми дураками. Есть и другие признаки.

За такими как **вы**, охотятся с особым ранением. При вербовке не останавливаются перед обманом, на который многие попадают: «так принято, ни к чему не обязывает, пустая формальность, но необходимая для профессиональной корпоративности». За последние три десятилетия, на моих глазах многое изменилось в тактике, правилах, условности.

Многое бы дал, чтобы снова посидеть с Вами за рюмкой «Финляндии» и... помолчать. Только слушать о

Ваших впечатлениях от полётов.

Кусаю себе локти с досады, так как забыл где недавно читал текст солженицынского добавления к «Августу 14-го», а может быть вступления к следующей части, к продолжению, об Императоре Николае Втором. Это добавление идёт в полное противоречие полувившему широкую огласку упрёку Солженицына по адресу Царя и Его Семьи. Оно проникнуто таким теплом и сочувствием и написано **так**, будто отвечает на мою статью, обращённую к Солженицыну, «Крапленые козыри». Разумеется, я более чем далёк от предположения того, что Солженицын обратил внимание на мою статью и от того, что она на него повлияла и побудила его более тщательно изучить события и личность Императора, но тем не менее испытываю **огромное** удовлетворение. Не могу себе простить небрежность и потерю следа этого важного документа, но питаю слабую надежду, что и Вы обратили внимание на него.

И ещё (к тому, что хотели бы мы с женой с Вами посидеть). Знаете ли Вы предсмертные стихи Г. Иванова? «Александр Сергеич! Я по Вас скучаю; я хотел бы очень с Вами выпить чаю, Вы бы говорили, я б развесил уши, всё б сидел да слушал, душа-дорогуша! Александр Сергеич, Вы мне всё дороже; Вам пришлось, ведь, тоже мучиться, томиться, злиться, изнывать! Вам пришлось, ведь, тоже трудно умирать...». Татьяна Николаевна и я Вам шлём большой привет и благословение.

11 января 1979. Возвращаясь к попытке вовлечь меня в тайное общество... Как следует разобравшись во всех подробностях, сопутствовавших нажиму, я пришёл к тому, что он производился не для использования меня, а для обезвреживания. То, что меня оставили в покое, даже угрожающего письма ни разу не прислали, говорит только о том, что меня опасным не посчитали.

А Вы молоды, и могли бы стать более завидным «братом». За Вами следят, Вас изучают. Позвольте дать Вам совет: если Вы, всё-таки «удостоились» бы чего-нибудь большего чем намёк на возможность улучшить жизнь, не отшивайте, а вольните сообразно обстоятельствам: «шаг серьёзный, надо подумать» или «подготовлюсь, тогда» или «должен посоветоваться с одним знакомым братом, он не велел его называть» и так далее.

Когда большевики хотели меня, в военном издательстве, как художника, «засекретить», я выкинул даже не рискованный, но наглый трюк: со вздохом сказал, что от природы болтлив не в меру. Чекист смотрел на меня с ненавистью, понимая, что я его дурачил, потому что после такого предупреждения он первый становился под удар, если при очередной чистке меня «замели». Вы отказом меньше будете рисковать. Если рискуете, то только потерей обещанных благ, но для сохранения сущих прямо не отказывайтесь, а тяните и уклоняйтесь, пока там не надоест.

Минуя нравственную сторону дела, достаточно ясную, я потому ещё так настойчив, что это паутина

в личной жизни. Вы были бы свободны до поры-до времени, но с какого-то момента превратились бы в безвольное существо. Пере-стали бы быть самим собой, даже мужем и отцом и должны были бы делать во спасение жены и детей совсем не то, что хотелось бы.

Вы пишете, что интервьюировали Дугласа Фербенкса младшего. Я вырос на «Багдадском воре» старшего Фербанкса и Мэри Пикфорд, и никаких прочих сыновей не признаю, если они даже так же через пять кобыл пересигивают.

7 февраля 1979. Когда я стал подписываться псевдонимом «Ламберт», в память дяди, погибшего в борьбе с большевиками, которого так звали, я и не подозревал, что есть такая фамилия забыв, что в «Подростке» Достоевского есть такая. Когда мне уже было лет тридцать пять, моя мать как-то рассказала про родственника, вышедшего на пенсию и от нечего делать принявшегося в финляндских и шведских библиотеках и архивах разыскивать своих предков. И в результате многолетнего труда, докопавшегося до короля Эрика 4-го, царствовавшего чуть ли не до РХ, о чём я известил всех родственников, в том числе и родителей моей матери - Стенрос.

Рассказав это, мать спохватилась и прибавила: -Только ради Бога, не вздумай об этом кому-нибудь рассказывать, потому что после царствования этого короля чуть не пол Швеции его родственники оказались! Несмотря на такое предупреждение, в трудные дни насильственной репатриации у меня был большой соблазн объявить себя претендентом на шведский престол, но из гордости ждал, когда сами шведы меня призовут. Не призвали, гады! Так мой талант и пропал. А король бы из меня получился бы, что надо!

8 августа 1979. Вы пишете, что возмущаетесь зверствами «Национальной Гвардии» в Никарагуа. Разумеется, я им не сочувствую, но всё же, нельзя не принять во внимание, что среди солдат «Национальной Гвардии» половина была таких, жёны, дети и родители которых в мучениях погибли от рук при-шлой революционной рвани под кубинским командованием. Расправа с семьями страшно ожесточает, я это знаю со времен Гражданской войны. Сам видел.

26 октября 1979. Получил аргентинский журнал, со статьей Вам посвященной. Теперь я за Вас спокоен: Вы твёрдо вступили на тропу признания и известности. Возможно, тропа эта выведет Вас на дорогу славы. По праву, которое Вы от меня еще не отняли (да едва ли успеете теперь отнять), уже сейчас позволю Вам дать несколько советов общего свойства. Хоть Вам ещё ничего не угрожает, сразу смотрите под ноги. Идите спокойно, не бегите, кто бы Вас и как бы и чем бы ни подгонял, какими-нибудь соблазнами. Ни под каким видом не сворачивайте на политическую дорогу, кто бы Вас не уговаривал, ни соблазнял: сейчас эта дорога ведёт в яму или публичный дом.

Учитесь у всех, всему, но будьте себе на уме и никому не доверяйте полностью. Сталин говорил:

«доверять можно, проверять нужно».

Это настолько умно, что наверное не он сам придумал. Всю **жизнь**, во всех творческих начинаниях, да послужит Вам примером один из самых великих нашего века - Шалапин. Я видел его и слышал много раз и **никогда** не слышал аплодисментов, **только** овации. Заграницей было то же самое. И до сих пор поражаюсь величием Шалапина, состоявшим не столько в славе, сколько в том, что она его не портила. Он никогда не был доволен собой, искренно горевал о своих промахах и так же искренно радовался тому, что их не замечали. Он был самоучкой, но учился и совершенствовался всю жизнь. Никогда не будьте собой довольны, но как Шалапин прониктесь таким правилом не умозрительно, не философски, а сердцем, как это делают святые подвижники. Всё хорошее, что бы Вы ни сказали, ни написали, за что бы и как бы ни хвалили, считайте недостаточным. Я только потому даю Вам такой совет, что Вас уже достаточно знаю. И знаю, что Вы в этом моём совете мало нуждаетесь, Вы такой и есть. Мне только хочется Вас укрепить в себе.

10 января 1980. Прошу, в смысле умоляю: отведите газету в сторону ото всех церковных дел и сотворите благо. Я вспоминаю, как полковник Солнцев в Сиднее, из Китая, атаман местной казачьей станицы, порвал с «Нашей Страной», резко и демонстративно, до истечения подписки, с просьбой больше не присылать, за то только, что в порядке информации газета сообщила о привлечении к суду епископа Иоанна Шанхайского (Максимовича). Сколько я не пытался его образумить, сколько ни доказывал, что из такого сообщения ещё не видно отношения к обвиняемому самой газеты, он остался неумолимым и перестал вообще газету брать в руки. А был её большим приверженцем с давних пор, вернее, не её даже, а Солоневича, коим зачитывался ещё в Китае. Глупо невероятно, тем более, что Солнцев глупым не был. Этот пример назидателен и показывает как умные люди глупеют, ослеплённые церковными делами. Если нет сил и возможности погасить церковную незатухающую склоку, то и раздувать её не к чему.

По праву деда, обращаю внимание на ошибки. «Вспрыскивание» очень распространённая ошибка. «Ввспрыскивать» можно какую-нибудь удачу, праздник, только выпивкой. А под кожу лекарство «впрыскивают». «Тоскую по Вам» - неправильно. «Тоскую по Вас». Тосковать можно по ком, по чём -нибудь, но не по кому, чему. «Пара слов» настолько распространённая ошибка, что с ней теперь трудно бороться. Парой прежде можно было называть только парное: супружеская пара, пара гнedyх, пара дуэльных пистолетов, пара очков: парой называли штаны с пиджаком, в отличие от тройки, с жилеткой. Но в немецком языке «пара минут» весьма законное выражение, и я думаю, что это и пришло оттуда. Если Вы не хотите, чтобы на ошибку обратил внимание человек знающий, вообще избегайте этого оборота.